

С.Р. Белянина, М.А. Текотова

Анализ социально-исторического контекста казней в творчестве Мо Яня: «Смерть пахнет сандалом» и «Красный Гаолян»

Аннотация. В статье исследуется, как китайский писатель Мо Янь через изображение казней в романах «Смерть пахнет сандалом» и «Красный гаолян» раскрывает сложные взаимоотношения между властью и человеком. Анализируется, как исторические формы насилия становятся в его произведениях зеркалом социальных противоречий — от традиционного общества эпохи Цин до периода японской оккупации. Особое внимание уделяется художественному парадоксу: сочетанию жестокости казней с элементами народной культуры и ритуальной символики. Показывается, как через судьбы палачей и жертв Мо Янь ставит вопросы о природе насилия, сопротивления и цене человеческой жизни в условиях государственного и колониального гнета. Исследование вносит вклад в понимание специфики «нового историзма» Мо Яня, где документальная точность сочетается с мифопоэтическим осмыслением национальной истории.

Ключевые слова: Мо Янь, китайская литература, китайская история, современная литература, социальный контекст, исторический контекст, роман «Смерть пахнет сандалом», роман «Красный гаолян».

Авторы: *Белянина Софья Романовна, бакалавр третьего курса, Институт иностранных языков Московского государственного педагогического университета (ИИЯ МГПУ). E-mail: BelyaninaSR390@mgpu.ru*

Текотова Мария Алексеевна, бакалавр третьего курса, Институт иностранных языков Московского государственного педагогического университета (ИИЯ МГПУ). E-mail: TekotovaMA152@mgpu.ru

Научный руководитель:

Заклязьминская Е.О., доцент кафедры китайского языка, Институт иностранных языков Московского государственного педагогического университета (ИИЯ МГПУ). E-mail: zaklyazminskayaeo@mgpu.ru

Для цитирования: *Белянина С.Р., Текотова М.А. Анализ социально-исторического контекста казней в творчестве Мо Яня: «Смерть пахнет сандалом» и «Красный Гаолян» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 32—44. DOI: 10.48647/ICCA.2025.57.33.004.*

S.R. Belyanina, M.A. Tekotova

Analysis of the social and historical context of executions in Mo Yan's works: “Sandalwood death and” and “Red Sorghum”

Abstract. This article explores how Chinese writer Mo Yan, through his depictions of executions in the novels “Sandalwood Death” and “Red Sorghum”, reveals the complex dynamics between authority and individuals. The study examines how historical forms of violence in his works reflect social contradictions—from traditional Qing so-

ciety to the period of Japanese occupation. Particular attention is given to the artistic paradox: the fusion of execution brutality with elements of folk culture and ritual symbolism. Through the fates of executioners and victims, Mo Yan raises profound questions about the nature of violence, resistance, and the value of human life under state and colonial oppression. The research contributes to understanding Mo Yan's distinctive "new historicism", where documentary precision blends with mythopoetic interpretations of national history.

Keywords: Mo Yan, Chinese literature, Chinese history, contemporary literature, social context, historical context, novel "Sandalwood death", novel "Red Sorghum".

Authors: *Belyanina Sofia R.*, bachelor of 3rd course year of the Institute of Foreign Languages of the Moscow City University. E-mail: BelyaninaSR390@mgpu.ru

Tekotova Maria A., bachelor of 3rd course year of the Institute of Foreign Languages of the Moscow City University. E-mail: TekotovaMA152@mgpu.ru

Research supervisor:

Zaklyazminskaya E. O., Associate Professor of the Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages of the Moscow City University. E-mail: zaklyazminskayaeo@mgpu.ru

For citation: Belyanina S. R., Tekotova M. A. Analysis of the social and historical context of executions in Mo Yan's works: «Sandalwood death and» and «Red Sorghum». *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 32–44. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.57.33.004.

Китайский писатель Мо Янь, удостоенный Нобелевской премии по литературе в 2012 г., занимает особое место в современной мировой литературе благодаря способности глубоко осмысливать трагические стороны человеческого существования на фоне исторических потрясений. Его художественная манера соединяет элементы мифологического мировосприятия, фольклора и социальной критики, что делает его произведения насыщенными как в культурном, так и в политическом плане. Центральными темами в творчестве писателя нередко становятся насилие, страх, власть и их влияние на судьбы простых людей.

В статье рассматриваются два романа Мо Яня — «Смерть пахнет сандалом» и «Красный гаолян», действия которых проходят в начале XX в. В «Смерти, пахнувшей сандалом» внимание уделяется бюрократии и ритуалам исполнения приговора, в то время как в «Красном гаоляне» акцент делается на жестокости времени, где насилие становится способом выживания и самовыражения.

Авторы исследуют, как Мо Янь обращается к теме казни, чтобы отразить социальные противоречия, исторический контекст и одновременно подвергнуть критике власть и общественные нормы.

В Древнем Китае смертная казнь была одним из главных способов наказания, который помогал укреплять власть правителя и поддерживать порядок в обществе. В условиях зарождения и консолидации китайского государства правовые нормы постепенно систематизировались, что позволило сформировать уголовное право как самостоятельный институт. Уже в первом своде китайских уголовных законов был представлен перечень наказаний за наиболее тяжкие

преступления, среди которых значились клеймение лица раскаленным железом, отрезание носа, отсечение ног и смертная казнь [Бичурин 2002].

Особое влияние на уголовное право оказало конфуцианство, сформулированное в период VI—III вв. до н.э. Важной составляющей учения стала идея обожествления правителя, провозглашенного «сыном Неба», что требовало безусловного подчинения подданных и жесткого наказания за преступления против власти [Хайруллина 2018]. Конфуций развил концепцию государства как большой семьи, где правитель — отец, а подданные — его дети, что создало основу для жесткой социальной иерархии, где смертная казнь стала орудием контроля [Бертронг 2004].

Легисты в эпоху Чжаньго (V—III вв. до н.э.) проповедовали равенство перед законом и неотвратимость наказаний за преступления, что усилило применение смертной казни как средства устрашения и поддержания порядка. Со временем конфуцианство и легизм слились в ортодоксальное ханьское учение, в котором смертная казнь стала не только средством наказания, но и способом демонстрации могущества государства [Хайруллина 2018].

В Средневековом Китае применение смертной казни приобрело еще более жестокие формы. В VII в. был издан свод правовых норм «Тан люй шу и» (唐律疏议), который включал кодификацию преступлений и наказаний. В условиях укрепления деспотической власти императора смертная казнь превратилась в инструмент защиты императорской власти, что отражалось в жесткой регламентации любых посягательств на власть [Шапорева 2017].

Виды казней в этот период становились все более изощренными: преступников сжигали на кострах, разрывали колесницами, варили в котлах, распинали и закапывали живьем. В особо тяжелых случаях применялась казнь «пять видов наказаний» (五刑, у-син), включавшая клеймение, отрезание носа, отсечение конечностей и забивание до смерти. Голова преступника выставлялась на площади для всеобщего обозрения [Синицын 2018].

При вынесении приговора учитывалось сословное положение осужденного: представители знати могли исполнить приговор самостоятельно — через отравление или повешение, тогда как простолюдины подвергались публичной казни [Бичурин 2002]. В условиях централизации власти в эпоху Тан смертная казнь стала важным элементом поддержания общественного порядка и устранения потенциальных угроз государству, что соответствовало конфуцианской доктрине о необходимости сохранения социальной стабильности.

В период правления династии Цин (1644—1912) смертная казнь занимала центральное место в уголовной системе, отражая как правовые нормы, так и идеологические установки имперского Китая. Цинское законодательство, унаследовав и развив традиции предыдущих династий, предусматривало широкий перечень преступлений, караемых смертной казнью, включая государственную измену, убийство родителей и иные тяжкие преступления против морали и государственной власти [Даньшин 2022].

Суровость карательных мер была соразмерна степени опасности совершенного преступления. В категорию наиболее тяжких входили посягательства на им-

ператора, его приближенных и любые действия, направленные против государства [Шапорева 2018].

Особое место среди методов казни занимала линчи (凌迟) — «казнь тысячи усекновений», применявшаяся за особо тяжкие преступления вплоть до ее отмены в 1905 г. [Рожкова 2011]. Линчи представляла собой жестокий способ лишения жизни, при котором приговоренному наносились множественные раны, которые приводили к смерти. Этот метод казни имел не только карательный, но и демонстративный характер, направленный на устрашение населения и укрепление авторитета государственной власти. Художественное воплощение линчи мы находим в романе Мо Яня «Смерть пахнет сандалом», где процесс казни описан с пугающей натуралистичностью, подчеркивая как жестокость наказания, так и ритуализированный характер насилия в китайской традиции.

Публичное проведение казней, особенно таких, как линчи, обеспечивало их зрелищность и массовый характер, особенно в крупных городах.

В рамках цинской правовой системы была распространена практика коллективной ответственности. В случае преступлений против государства, в особенности государственной измены, наказанию подвергались не только виновные, но и их ближайшие родственники, включая женщин и детей. Эта мера служила проявлением идеи тотальной лояльности подданных к императору и средством профилактики мятежей.

Цинская система наказаний также отражала глубокую социальную стратификацию. Представители аристократии и чиновничества могли рассчитывать на более «почетные» и менее болезненные формы казни, включая дозволение совершить самоубийство, тогда как простолюдины и преступники низшего сословия чаще подвергались публичным и мучительным формам наказания. Это различие подчеркивало иерархический характер общества и обеспечивало воспроизводство социальной структуры.

В XIX в. под влиянием внутренних реформ и внешнего давления со стороны европейских держав началась постепенная трансформация уголовной политики. В 1905 г. линчи была официально отменена, что стало символом стремления к модернизации и гуманизации уголовного права. Несмотря на это, смертная казнь продолжала использоваться как важный инструмент государственной власти до самого конца существования Цинской империи в 1912 г.

Социально-исторические особенности эпохи Цин находят отражение не только в правовых документах, но и в литературе, где казнь предстает как выразительный символ власти, страха и общественной морали. Одним из произведений, в котором эти темы раскрываются с особой силой, является роман Мо Яня «Смерть пахнет сандалом».

«Смерть пахнет сандалом» (檀香刑, тансян син) — это историко-драматическое произведение, действие которого разворачивается в уезде Гаоми провинции Шаньдун начале XX в., на фоне восстания ихэтуаней и нарастающего давления со стороны западных держав. В центре сюжета — казнь народного бунтовщика и певца оперы маоцян Сунь Бина. Его должен казнить палач Чжао Цзя — сват Сунь Бина: его сын Чжао Сяоцзя, «большой мастер по части забоя собак и свиней, его хорошо знают во всем уезде Гаоми», женат на его дочери, Сунь Мэйнян.

Ситуация осложняется тем, что Сунь Мэйнян не только жена мясника, но и любовница уездного начальника Цянь Дина. Эта личная драма переплетается с политическим насилием, бюрократическим произволом и тем, как обычные люди становятся жертвами чужих решений и системы.

Роман построен в виде чередующихся монологов пяти персонажей: Сунь Мэйнян, Чжао Цзя, Чжао Сяоцзя, Цянь Дина и Сунь Бина. Мо Янь использует форму, напоминающую китайскую оперу: персонажи как будто поют свои мысли, что создает необычную, напряженную атмосферу. Через эти монологи раскрываются их чувства — боль, страх, вина, ненависть, а также отчаяние перед лицом казни, которая становится центральным событием книги.

«Смерть пахнет сандалом» — не просто рассказ о трагедии одной семьи, а размышление о том, как власть, насилие и традиции переплетаются в китайском обществе. Мо Янь показывает, как человеческие судьбы ломаются под давлением политики и как жестокость может быть узаконена и даже театрализована.

В дополнение к уже сказанному о периоде династии Цин и ее карательной системе важно отметить, что события в романе «Смерть пахнет сандалом» происходят в особенно сложный момент — на сломе эпох, когда традиционные китайские устои сталкивались с мощным внешним давлением и внутренними кризисами. Конец XIX — начало XX вв. в Китае — это не просто ослабление императорской власти, но и глубокий мировоззренческий кризис.

Одним из ключевых моментов, который усугублял обстановку в провинции Шаньдун, где разворачивается действие, были экономические трудности. Неурожаи, голод и общее обнищание населения создавали плодородную почву для социальных взрывов, каким и стало Ихэтуаньское восстание. Народное недовольство часто направлялось не только против иностранцев, чье экономическое и политическое присутствие ощущалось все сильнее, но и против местных властей, воспринимавшихся как несправедливые и коррумпированные. В таких условиях фигура бунтаря Сунь Бина обрела для одних черты героя, а для других — опасного преступника, подрывающего последние остатки порядка.

Жестокость «сандаловой казни», выбранной для Сунь Бина, в этом контексте приобретает дополнительное значение. Для цинских властей, чья легитимность стремительно падала, такие показательные и мучительные расправы были одной из последних возможностей продемонстрировать силу и попытаться удержать население в повиновении. Однако эффект мог быть и обратным, усиливая ненависть к режиму. Стоит также учитывать, что практика таких жестоких казней, как например линчи, уже вызывала осуждение не только за пределами Китая, но и среди части китайской интеллигенции, стремившейся к модернизации страны и реформе устаревших законов. Таким образом, описанная в романе казнь становится символом не только жестокости конкретного исторического периода, но и столкновения архаичных традиций с требованиями нового времени.

Чтобы увидеть, как именно Мо Янь вплетает эти сложные социально-исторические реалии в повествование и как они отражаются в судьбах и мыслях его героев, важно проанализировать отрывки непосредственно из романа «Смерть пахнет сандалом». Далее мы рассмотрим несколько показательных цитат, которые помогут глубже понять позицию автора и специфику изображения им эпохи.

В романе «Смерть пахнет сандалом» сцена казни разрубанием по пояснице описана очень ярко и детально. Автор показывает, как палачи всю ночь готовились к казни: «Бабушка самолично точил большой топор-сюаньхуа. [...] Старшая тетка и вторая тетка готовили деревянную колоду, веревки и тому подобное».

Казнь описана как жуткое и жестокое зрелище. Рабочий казначейства, которого должны казнить, сопротивляется. Он ведет себя как «бешеный бык», и палачам с трудом удается его уложить: «Старшая тетка спереди прижимал голову, вторая тетка сзади придерживал ноги». Толпа смотрит, кто-то поддерживает осужденного, кто-то кричит в ужасе.

Первый удар топора не убивает рабочего. Бабушка промахивается, и топор застревает в колоде: «Бабушка хотел вытащить топор, но удар получился слишком сильный, и топор вошел в колоду чересчур глубоко». Рабочий продолжает извиваться и кричать, кровь льется ручьем: «Лицо этого человека слепило желтизной, как листовое золото. Из рта, который вертелся из стороны в сторону, [...] вырывалась кровавая пена». В конце концов, подмастерье добывает его мечом, но даже после этого верхняя половина тела, осужденного продолжает двигаться. Автор сравнивает его со «стрекозой», которая может летать, даже если потеряет нижнюю часть тела: «Этот тип, вероятнее всего, в прошлом перерождении был стрекозой». Сцена казни «разрубания по пояснице» в романе «Смерть пахнет сандалом» показывает, как человеческое страдание становится публичным зрелищем.

В то время как «разрубание по пояснице» иллюстрирует хаос и физическую муку публичной казни, линчи представляет собой более изощренную форму жестокости, превращая насилие в орудие контроля. Мо Янь тем самым показывает многообразие методов наказания в начале XX в., в «Смерть пахнет сандалом» он пишет: «Клодт снова что-то пробормотал переводчику, и тот сказал: “Генерал-губернатор говорит, что Китай отстает во всем, но вот по казням он впереди всего мира. У китайцев в этом отношении особый талант”».

В главе «Шедевр» из романа «Смерть пахнет сандалом» описывается казнь через линчи — «пятьсот усекновений» — офицера Цянь Сюнфэя, осужденного за покушение на Юань Шикая. Сцена демонстрирует жестокость наказания. Палач Чжао Цзя, опытный мастер своего дела, впервые испытывает волнение перед казнью — тело осужденного кажется ему «идеальным», а его спокойствие и язвительная усмешка смущают палача. Каждый отсеченный кусок плоти демонстрируется зрителям, а помощник ведет счет. Первые удары наносятся по груди, затем — по гениталиям, что вызывает у Цянь Сюнфэя первый крик. «Вопли Цяня были ни на что не похожи. [...] От стенаний все присутствовавшие испытали глубочайшее потрясение».

Даже лишившись языка, осужденный продолжает проклинать Юань Шикая, что вынуждает палача ускорить процесс. К концу казни от тела Цяня почти ничего не остается, но Чжао Цзя доводит счет до пятисот, следуя ритуалу. «К этому времени жизнь в Цяне еле теплилась... внутренние органы выпирали наружу, кишки шевелились под кожей, как клубок змей». Последние удары — вырезание глаз и сердца — завершают казнь, но даже мертвые глаза Цяня, «испускающие мертвенно-бледные лучи», словно продолжают искать Юань Шикая в толпе.

Казнь представлена как тщательно спланированное действие, где палач — не просто исполнитель, а «художник», следующий древним техникам. Демонстрация отсеченной плоти зрителям подчеркивает, что цель наказания — не только смерть преступника, но и устрашение общества. Автор детально описывает, как тело Цянь Сюньфэя превращается в объект, лишенный личности: сначала палач видит в нем лишь «набор мышц и костей», затем — материал для «шедевра».

Казнь отражает абсурдность и лицемерие системы: Юань Шикай называет Цяня «талантом», но при этом санкционирует его мучительную смерть. Даже солдаты, привыкшие к крови, падают в обморок, что подчеркивает противоестественность такой жестокости.

Чжао Цзя, несмотря на свою профессиональную гордость, разрывается между долгом и человечностью. Его волнение перед «идеальным телом» Цяня и страх, когда тот кусает его, делают палача уязвимым, показывая, как насилие калечит не только жертву, но и исполнителя. Цянь Сюньфэй, в свою очередь, воплощает дух сопротивления. Его ругательства и стойкость, даже когда он теряет язык и куски тела, напоминают о Суне Бине, который через пение бросает вызов власти.

Сравнение казни с искусством («резьба по дереву», «выступление актера») создает противоречие между красотой исполнения и ужасом происходящего. Это побуждает задуматься о том, как общество поощряет насилие и превращает его в спектакль. Даже после смерти взгляд Цяня все еще направлен на Юань Шикая, символизируя непоколебимость духа осужденного человека. Это напоминает о том факте, что цель казни — сломить волю осужденного — не была достигнута; она лишь показала хрупкость власти, основанной на страхе.

В романе «Смерть пахнет сандалом» сцена казни линчи представляет собой форму демонстративного насилия, направленного на устрашение и подавление индивидуальной воли. Сам термин «сандаловая казнь» указывает на ритуализированную природу экзекуции, в которой использование сандалового дерева — материала, символически связанного с буддийскими и традиционно-китайскими обрядами, — вступает в резкое противоречие с актом крайней жестокости.

Сцена сандаловой казни Сунь Бина в романе «Смерть пахнет сандалом» представляет собой пример того, как в китайской традиции сакральные элементы могут сосуществовать с крайней степенью телесного насилия. Само название казни — «сандаловая» — уже отсылает к религиозной и культурной символике: сандаловое дерево традиционно ассоциируется с буддизмом, используется при кремации, в храмах и в ритуалах очищения. В буддизме сандал считается священным материалом, используемым для изготовления статуй Будды, ритуальных предметов и благовоний. Исторически сандал стал значимым в Китае с III в., после распространения легенды о сандаловой статуе Будды Удаяны, вывезенной из Индии. Эта статуя, созданная, согласно преданию, при жизни Будды, закрепила за сандалом статус материала, связанного с божественным. В романе Чжао Цзя перебирает сандаловые четки: «свекор перебирал четки из сандалового дерева...», «...от его сандалового кресла и сандаловых четок в руках вдруг пахло тяжелым ароматом, от которого у меня зарябило в глазах и сердце бешено забилося...». Сандаловое дерево использовалось в изготовлении мебели и предметов роскоши.

В эпоху Цин, когда происходит действие романа, сандал был довольно дорогим, не каждый мог себе позволить иметь предметы, изготовленные из сандалового дерева. Ценность сандала иллюстрируется такой деталью, как кресло Чжао Цзя: «Свекор сидел в полудреме с закрытыми глазами на сандаловом кресле с подлокотниками, украшенными резными драконами на спинке и инкрустированными золотой нитью. Кресло он привез из столицы». Все это усиливает внутренний контраст между культурным значением материала и реальным его применением в сцене казни.

Подготовка к казни описана очень подробно. Тело Сунь Бина укладывают на старый сосновый верстак, ранее использовавшийся для забоя животных: «Этот сосновый верстак использовался в нашем доме лет десять, пропитался свиной и собачьей кровью и был тяжелый, как железо». Таким образом, человек ставится в один ряд со скотом, что подчеркивает его полную бесправность.

Важную роль играют также фигуры палачей — Чжао Цзя и Чжао Сяоцзя. Чжао Цзя тщательно выбирает инструмент: «Отец сам выбрал из двух сандаловых колышков тот, что выглядел поглаже, и тщательно протер его смоченной в масле тряпицей». В этом действии нет спешки или импульсивности — напротив, все сделано согласно порядку, напоминающему ремесленный или даже ритуальный.

Затем начинается сама процедура. Сын, следуя указаниям отца, вбивает кол в тело тестя: «Колышек цунь за цунем проникал в тело тестя. Удары киянки звучали негромко — бам-бам-бам». Удары наносятся с учетом анатомии, чтобы не повредить внутренние органы: «Отец с самого начала рассчитал, что колышек выйдет у Сунь Бина из плеча, а не изо рта, чтобы он мог продолжать петь». Этот выбор подчеркивает наличие некоторого уважения к роли Сунь Бина как мао-цзянского певца.

После того как тело пронзено, его поднимают на высокий помост и выставляют на всеобщее обозрение. Это повторяет структуру традиционной китайской публичной казни, где не только сама смерть, но и демонстрация страдания играли важную роль в воздействии на зрителей. Мо Янь подчеркивает зрелищность происходящего: «Мы с отцом забрались на помост... изо рта Сунь Бина доносились проклятия: “Цянь Дин, твою бабушку! Чжао Цзя, твою бабушку!”».

Казнь проходит в момент политического кризиса — период ихэтуаньского восстания и усиления внешнего давления на Китай. Применение «сандаловой» казни иллюстрирует, как государственные ритуалы насилия могут включать в себя элементы традиционной культуры, при этом радикально трансформируя их значение.

«Красный гаолян» (红高粱家族, Хун гаолян цзяцзу) — это самое известное произведение Мо Яня. Действие разворачивается в уезде Гаоми провинции Шаньдун в период японской оккупации Китая в 1930-х — 1940-х гг.

В центре повествования — три поколения семьи, чьи судьбы переплетаются с судьбой родной земли и народного сопротивления. Главный герой, Юй Чжаньао, человек простых нравов, но сильного характера, становится предводителем местных партизан, сражающихся против японских захватчиков. Его отношения с женщинами, особенно с красавицей и хозяйкой винокурни Дай Фэнлянь, кото-

рая становится матерью его сына, приобретают оттенок как личной, так и коллективной трагедии, демонстрируя, как война трансформирует человеческие отношения.

Роман построен как мозаика из пяти частей, каждая из которых фокусируется на разных временных отрезках и героях, создавая нелинейное повествование, напоминающее народные легенды. Прошрое и настоящее переплетаются, создавая многоуровневую картину, где трагедия одной семьи становится отражением страданий целой нации. Сквозь призму личных судеб Мо Янь исследует вопросы национальной идентичности, народного сопротивления и неизбежности жестокости в условиях войны. Мо Янь использует яркие, почти мифологические образы, такие как «кровь, смешанная с гаоляном», чтобы показать, как война и насилие проникают в повседневную жизнь. Через монологи и воспоминания героев — от Доугуаня, вспоминающего отца, до Ласки, борющейся за выживание и пытавшейся спасти дочь, — раскрываются их боль, гордость и отчаяние перед лицом неизбежной смерти.

Мо Янь использует образ красного гаоляна как метафору страсти, жизни и смерти. Красный цвет сорго — символ страдания, жизни и стойкости: красный гаолян, кровь на груди, красное вино, цвет земли, пропитанной кровью, символ упорства и выживания, напоминающий о том, как жизнь продолжает расти даже на самой бесплодной почве — все это создает единый эмоциональный фон [Tian 2025].

Так, «Красный гаолян» — это не просто история любви и мести, но и размышление о том, как народная память впитывает кровь, боль и борьбу, превращая их в культурные символы. Мо Янь мастерски показывает, как люди, находящиеся на краю гибели, способны сохранить свою человечность, оставаясь верными себе и своей земле, даже когда она превращается в поле битвы.

Чтобы понять, как Мо Янь раскрывает сложные социально-исторические реалии японской оккупации и их влияние на судьбы героев, необходимо обратиться к ключевым отрывкам из романа «Красный гаолян». Далее необходимо изучить цитаты, касающиеся казней, которые помогут осмыслить замысел Мо Яня и специфику его картины трагического времени.

В романе «Красный гаолян» Мо Янь изображает одну из самых жестоких казней — публичное освежение дяди Лоханя, совершаемое по приказу японских оккупантов. Сцена начинается с того, что избитого и окровавленного мужчину привязывают к столбу, а затем палач, Сунь Пятый, который является известным во всем уезде Гаоми мясником, под давлением японцев начинает снимать с него кожу: «Сунь Пятый работал очень аккуратно, когда он снял кожу с головы, стали видны синеватые глаза и куски плоти... После того как дядя Лохань превратился под ножом в грудку мяса, стало видно, как пульсируют в животе внутренности». Казнь совершается публично, чтобы запугать население. Толпа, включая детей, становится свидетелем, а значит — соучастником, пусть и против воли. Японский офицер демонстративно подносит отрезанные уши и гениталии жертвы к овчарке, но та отказывается их есть — деталь, подчеркивающая абсурдную жестокость происходящего.

Освеживание — реальный метод казни, применявшийся в Китае со времен империи за особо тяжкие преступления, такие как измена или убийство родителей. В романе Мо Янь переносит эту средневековую практику в эпоху японской оккупации (1937—1945), показывая, как колонизаторы используют традиционные формы насилия для устрашения населения.

Казнь дяди Лоханя — действие, призванное продемонстрировать абсолютную власть оккупантов. Японцы заставляют китайского же палача (Суня Пятого) выполнять казнь, что усиливает ощущение предательства и морального разложения. Дядя Лохань теряет человеческий облик, превращаясь в «грудку мяса», а Сунь Пятый, рыдая, продолжает работу — так Мо Янь показывает, как система ломает и жертв, и исполнителей.

После казни тело исчезает «слух об исчезновении тела дяди Лоханя разлетелся по деревни, один поведал десяти, десять — целой сотне, рассказ этот передавался из поколения в поколения и превратился в красивую легенду», а история о ней становится легендой. Это отсылка к китайской традиции героизации мучеников, чья смерть остается в памяти народа.

Эта сцена перекликается с конфуцианско-легистской традицией, где казнь была не только наказанием, но и «уроком» для общества. Однако если в древнем Китае такие методы оправдывались защитой порядка, то здесь они служат чужеземной власти, подчеркивая трагедию оккупации.

Если сцена освеживания дяди Лоханя демонстрирует жестокость японских оккупантов, то расстрел Зубастого Юя раскрывает внутренний конфликт между долгом и родственными узами. Эта казнь несет не меньшую эмоциональную нагрузку, подчеркивая трагедию гражданской войны, где командир, отдавший приказ, и жертва связаны кровными узами.

Сцена расстрела разворачивается на окраине деревни, у гнилой излучины реки, что сразу создает мрачную атмосферу. Зубастый Юй, дядя командира Юя, приговоренный к смерти за надругательство над девушкой по имени Цао Линцзы, ведет себя как непокорная жертва — перед казнью он просит развязать веревки и запекает песню о «японских псах», превращая свои последние минуты в акт неповиновения. Немой, исполняющий приговор, заметно колеблется, но выстрел все же раздастся. Описание смерти лаконично и символично: «Лоб Зубастого Юя раскололся, как черепица... мозги вытекли и залили уши, один глаз висел, словно виноградина». Особую символическую нагрузку несет последующая похоронная процессия — командир Юй рыдает в траурных одеждах, а разбитый глиняный горшок напоминает о «расколотой» голове казненного, создавая поэтическую параллель.

Исторический контекст этой сцены очень символичен. Казнь Зубастого Юя отражает раскол в китайском обществе 1930—1940-х гг., когда брат шел на брата в противостоянии коммунистов, гоминьдановцев и других партизанских отрядов. Командир Юй, вынужденный казнить родственника, становится олицетворением трагического выбора между долгом и семейными узами. Даже место казни — у гнилой воды с хилым лотосом — работает как метафора морального разложения, контрастируя с образом красного гаояня.

Казни в романах Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» и «Красный гаолян» — это не просто сцены насилия, а зеркало, отражающее социально-исторические кризисы: от упадка Цинской империи до японской оккупации. Через контраст ритуализированной жестокости и спонтанного гнева Мо Янь подчеркивает, как насилие, будь то инструмент власти или акт сопротивления, неизбежно калечит человеческую душу, оставляя лишь память, пропитанную кровью и болью. Они отражают разные исторические контексты и цели насилия, но оба произведения показывают, как жестокость становится частью общественной жизни, ломая судьбы и обнажая противоречия эпохи.

В творчестве Мо Яня тема казни выступает как многогранный инструмент анализа социально-исторических противоречий Китая. Роман «Смерть пахнет сандалом» раскрывает механизмы государственной власти через ритуализацию наказания: сандаловая казнь и линчи становятся символами слияния сакрального и жестокого, где традиции служат оправданием деспотизма. Мо Янь исследует, как традиционная культура и народные массы, вопреки своей пассивности, становятся соучастниками исторических трагедий, поддерживая систему через молчание. «Красный гаолян» знаменует переход от просветительского историзма к новому историзму, где история представлена через призму человеческой природы и мифологии. Вместо сухого хронологического нарратива автор создает мозаику из личных драм, где война и оккупация раскрываются через эмоции, легенды и коллективную память. Акцент на японском гнете и средневековых методах казней подчеркивает, как насилие, даже будучи инструментом колониального подавления, сохраняет архаичные черты, укорененные в китайской истории [Чжан Цинхуа 2025].

Оба романа объединяет идея цикличности насилия: жестокость сохраняется вне зависимости от времени, меняя лишь форму и идеологическое обоснование. Мо Янь подчеркивает, что система, основанная на устрашении, калечит не только жертв, но и палачей, вынужденных балансировать между долгом и человечностью.

Через натуралистичные описания казней Мо Янь не только реконструирует исторические травмы, но и проводит параллели с современностью, указывая на опасность устаревших норм, маскирующихся под традиции. Его творчество становится зеркалом, в котором общество видит, как собственное прошлое, так и нерешенные вопросы власти, справедливости и цены человеческой жизни.

Библиографический список

- Бертронг Д. и Э. Конфуцианство / пер. с англ. О. Перфильева. М.: Фаир-Пресс, 2004. 304 с.
- Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Вост. Дом, 2002. 432 с.
- Даньшин А.В. Признание под пыткой в уголовном судопроизводстве императорского Китая // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 349—358.
- Мо Янь. Красный гаолян. М.: Эксмо, 2025. 480 с.
- Мо Янь. Смерть пахнет сандалом. М.: Эксмо, 2024. 574 с.

Рожкова Е.К. Смертная казнь в Китае: история и современность // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-v-kitae-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 01.04.2025).

Синицын Н.А. Смертная казнь в средневековом Китае / Н.А. Синицын, Е.Б. Калашникова // Синергия Наук. 2018. № 22. С. 936—940.

Хайруллина Д.И. Смертная казнь как вид уголовного наказания в Древнем Китае / Д.И. Хайруллина, Е.Б. Калашникова // Юридический факт. 2018. № 26. С. 79—81.

Шапорева Е.Д. Смертная казнь в Китае в эпоху Нового времени // Роль инноваций в трансформации современной науки: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 22 апреля 2018 года. Том Часть 2. Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2018. С. 114—117.

Шапорева Е.Д. Смертная казнь как вид уголовного наказания в средневековом Китае // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 частях, Стерлитамак, 21 октября 2017 года. Том Часть 3. Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2017. С. 158—160.

Tian P. Chinese Nobel Laureate Mo Yan and Red Sorghum // Journal of Education and Educational Research. 2025. Vol. 12, No. 1. P. 1—3. ISSN 2957-9465.

张清华. 悲枪与新历史主义文学思潮: 以《红高粱家族》《丰乳肥臀》《檀香刑》为例 [Чжан Цинхуа. Печаль и литературное течение нового историзма: на примере «Красного гаоляна», «Большая грудь, широкий зад» и «Смерть пахнет сандалом»] // 海南师范大学学报(社会科学版). 2005. 第18卷, 第2期. 第1—7页.

References

Bertrong D., Bertrong E. Konfutsianstvo [Confucianism]. Moscow, Fair-Press Publ., 2004. 304 p. (In Russ.).

Bichurin N.Ya. Kitay v grazhdanskom i npravstvennom sostoyanii [China in Civil and Moral State]. Moscow, Vost. Dom Publ., 2002. 432 p. (In Russ.).

Danshin A.V. Priznanie pod pytkoy v ugovolnom sudoproizvodstve imperatorskogo Kitaya [Confession under Torture in the Criminal Proceedings of Imperial China]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2022, vol. 6, no. 4(24), pp. 349—358. (In Russ.).

Mo Yan. Krasnyy gaolyan [Red Sorghum]. Moscow, Eksmo Publ., 2025. 480 p. (In Russ.).

Mo Yan. Smert pakhnet sandalom [Sandalwood Death]. Moscow, Eksmo Publ., 2024. 574 p. (In Russ.).

Rozhkova E.K. Smertnaya kazn v Kitae: istoriya i sovremennost [The Death Penalty in China: History and Modernity]. Zakonnost i pravoporyadok v sovremennoy obshchestve [Legality and Law and Order in Modern Society], 2011, no. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-v-kitae-istoriya-i-sovremennost> (accessed: 01.04.2025). (In Russ.).

Sinityn N.A., Kalashnikova E.B. Smertnaya kazn v srednevekovom Kitae [The Death Penalty in Medieval China]. Sinergiya Nauk [Synergy of Sciences], 2018, no. 22, pp. 936—940. (In Russ.).

Khayrullina D.I., Kalashnikova E.B. Smertnaya kazn kak vid ugovolnogo nakazaniya v Drevnem Kitae [The Death Penalty as a Type of Criminal Punishment in Ancient China]. Yuridicheskiy fakt [Legal Fact], 2018, no. 26, pp. 79—81. (In Russ.).

Shaporeva E.D. Smertnaya kazn v Kitae v epokhu Novogo vremeni [The Death Penalty in China in the Modern Era]. Rol' innovatsiy v transformatsii sovremennoy nauki: sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sterlitamak, 22 aprelya 2018 goda [The Role of

Innovations in the Transformation of Modern Science: Collection of Articles from the International Scientific-Practical Conference, Sterlitamak, April 22, 2018], vol. Part 2. Sterlitamak, Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu “Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy” Publ., 2018, pp. 114–117. (In Russ.).

Shaporeva E.D. Smertnaya kazn kak vid ugovnogo nakazaniya v srednevekovom Kitae [The Death Penalty as a Type of Criminal Punishment in Medieval China]. Vzaimodeystvie nauki i obshchestva: problemy i perspektivy: sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 3 chastyakh, Sterlitamak, 21 oktyabrya 2017 goda [Interaction of Science and Society: Problems and Prospects: Collection of Articles from the International Scientific-Practical Conference: in 3 Parts, Sterlitamak, October 21, 2017], vol. Part 3. Sterlitamak, Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu “Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy” Publ., 2017, p. 158–160. (In Russ.).

Tian P. Chinese Nobel Laureate Mo Yan and Red Sorghum. Journal of Education and Educational Research, 2025, vol. 12, no. 1, pp. 1–3. ISSN 2957-9465.

张清华. 悲怆与新历史主义文学思潮: 以《红高粱家族》《丰乳肥臀》《檀香刑》为例 [Zhang Qinghua. Sorrow and the Literary Trend of New Historicism: The Case of “Red Sorghum,” “Big Breasts and Wide Hips,” and “Sandalwood Death”]. 海南师范大学学报(社会科学版) [Journal of Hainan Normal University (Social Sciences)], 2005, vol. 18, no. 2, pp. 1–7. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 16.06.2025

Принята к публикации: 04.07.2025

Received: June 16, 2025

Accepted: July 04, 2025